

RU

Поклонение и заповедь веры в рамках концепции теологического волюнтаризма: Маймонид и Крескас

Слепцова В. В.

Аннотация. Цель исследования - доказать, что вера, будучи свободным действием, не может являться заповедью в силу проблемы, возникающей внутри теории божественной заповеди (Divine Command Theory (DCT)). Проблема эта была эксплицирована в статье известных философов религии Кэмпбелла Брауна и Юджина Нагасавы «Я не могу заставить тебя поклоняться мне» (I Can't Make You Worship Me), вышедшей в 2005 году в журнале "Ratio", и состоит в невозможности соединения DCT с моральным обязательством поклонения Богу. Показано, что предложенный К. Брауном и Ю. Нагасавой критический подход применим не только к поклонению, но и к заповеди веры. **Научная новизна** заключается в привлечении к анализу ряда текстов средневековых еврейских философов и рассмотрении их через призму методов современной аналитической философии религии для аргументации авторской позиции. **В результате** исследования была обоснована идея о том, что существует ряд человеческих действий, которые не могут быть заповеданы внутри DCT.

EN

Worship and Command of Faith within the Framework of Theological Voluntarism: Maimonides and Crescas

Sleptsova V. V.

Abstract. The study aims to prove that faith as a voluntary act cannot be a command due to an issue arising within the divine command theory (DCT). This issue was explicated in the article "I can't make you worship me" by the prominent religious philosophers Campbell Brown and Yujin Nagasawa, published in the journal "Ratio" in 2005, and it consists in the fact that it is impossible to combine the DCT and moral obligation to worship the God. It is proved that the critical approach proposed by C. Brown and Yu. Nagasawa is applicable not only to worship but also to the command of faith. Scientific novelty of the research lies in utilising a number of texts by the medieval Jewish philosophers in the analysis and considering them through the lens of the methods belonging to modern analytical philosophy of religion so that the author can provide arguments to support her position. As a result of the study, the idea that there are a number of human actions that cannot be commanded under the DCT was substantiated.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом аналитической философии религии к наследию иудаизма, стремлением к интерпретации классических текстов иудейских мыслителей в аналитическом ключе. Недавние работы в области применения аналитического инструментария к иудейской философии и теологии затрагивают проблемы зла и теодицеи [2; 6; 8, p. 198-221], эпистемологии [8, p. 183-197], этики [Ibidem, p. 296-321] и т.д. Таким образом, продуктивным для реализации указанной исследовательской программы должно быть обращение к текстам средневековых иудейских философов. Именно они, с их глубоким интересом к логике и языку, являются интеллектуальными предшественниками аналитических философов, хотя в настоящее время в философии более известны представители еврейской философии XX века, наследники континентальной традиции, такие как Франц Розенцвейг, Мартин Бубер или Эммануэль Левинас.

Для достижения цели исследования – доказательства того, что вера, являясь свободным актом, не может быть заповедана в рамках концепции теологического волюнтаризма, – необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, следует подробно рассмотреть теорию божественной заповеди (теологический волюнтаризм)

и сложности, возникающие внутри этой теории; во-вторых, следует выделить одну из множества обсуждавшихся средневековыми еврейскими философами проблем и представить варианты решения этой проблемы. В данной статье таковым будет вопрос о том, что такое вера в Бога. Обобщая, мы выделим два основных варианта ответа на этот вопрос. Моисей Маймонида, самый известный и авторитетный иудейский философ Средневековья (XII – нач. XIII в.) в «Книге заповедей» утверждает, что вера является заповедью. Самый известный критик идей Маймонида – Хасдай Крескас (XIV – нач. XV в.) – в своем фундаментальном философском произведении «Свет Господень» полагает, что вера не заповедь, а основание заповедей. В-третьих, необходимо определить, чья позиция – Крескаса или Маймонида – лучше согласуется с теологическим волюнтаризмом с учетом эксплицированной ранее проблемы.

Методы исследования обусловлены поставленными задачами. В процессе исследования будут применяться герменевтический метод и анализ, включающий в себя «письменное изложение философской позиции в предложениях, которые могут быть формализованы и логически обработаны; изложение, ставящее во главу угла точность, ясность и логическую последовательность» [Ibidem, p. 2]. **Теоретической базой** исследования наряду с первоисточниками – трактатами Маймонида и Крескаса – послужили работы зарубежных авторов, в частности К. Брауна и Ю. Нагасавы [4], М. Мерфи [9] и др.

Практическая значимость рассмотрения иудейской философии и теологии с аналитических позиций заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы для лучшего понимания широким кругом читателей иудейской культуры, в частности интеллектуальной традиции, являющейся сущностью иудаизма.

Несовместимость теории божественной заповеди и свободного поклонения

Divine Command Theory (DCT), теория божественной заповеди, или теологический волюнтаризм, – это группа метаэтических и нормативных теорий, согласно которым моральным является лишь выполнение того, что заповедано Богом, или воздержание от того, что Богом запрещено. Иначе говоря, то, «что хочет Бог, имеет отношение к определению морального статуса некоторого набора сущностей (действий, положения дел, черт характера и т.д., или некоторой их комбинации)» [Ibidem]. М. Мерфи отмечает в своей статье, что отрицание теизма или принятие морального скептицизма не должно мешать человеку серьезно относиться к теологическому волюнтаризму как философской позиции. Это важный момент, потому что часто считается, что теологический волюнтаризм предназначен только для теистов или только для тех, кто не придерживается точки зрения морального скептицизма [Ibidem].

Браун и Нагасавы в своей статье «Я не могу заставить тебя поклоняться мне» [4] эксплицируют два принципа, характеризующие DCT: принцип обязательства и принцип согласия.

(А) Принцип обязательства: для любого действия X мы имеем моральное обязательство делать X (или воздержаться от выполнения X), если и только если Бог велит нам делать X (или воздержаться от выполнения X).

(В) Принцип согласия: для любого действия X, если Бог велит нам делать X (или воздержаться от X), у нас есть моральное обязательство согласиться с Его повелением делать X (или воздержаться от выполнения X).

Очевидно, что принцип В выполняется, только если, во-первых, мы ведем себя соответственно заповеди, а во-вторых, мотивом для нашего поведения является сама заповедь.

Иными словами, верующий, к примеру, иудей, согласно принципу (А), имеет моральное обязательство молиться и изучать Тору. В соответствии же с принципом (В) он должен молиться и изучать Тору не потому, что, к примеру, хочет произвести впечатление на соседей, а именно потому, что так заповедано. Дополнительным вводным условием является, согласно Брауну и Нагасаве, принцип «должен» подразумевает «может» (Ought-Can Principle). Согласно этому принципу в формулировке Брауна и Нагасавы, «если человек не может совершить какое-то действие j, то не может быть так, что он морально обязан совершить j, и, более того, он не может быть связан какими-либо моральными обязательствами совершить j» [Ibidem, p. 141]. Иначе говоря, если человек должен сделать нечто, то он может, имеет возможность, это сделать. Данный принцип кажется интуитивно понятным и – в рамках теистических концепций – справедливым.

По мысли авторов рассматриваемой статьи, далее возникает значимая проблема. Поскольку заповедь поклонения является свободным актом, она не может быть конституирована заповедью – это бы означало, что поклонение не является свободным, а следовательно, не является искренним [Ibidem, p. 141-144]. Действительно, для того чтобы А выполнил заповедь В поклоняться В, должны быть соблюдены два условия: 1. А поклоняется В; 2. Основанием для поклонения является заповедь В. Однако эти два условия очевидно несовместимы друг с другом. Первое условие подразумевает, что основанием поклонения должно быть нечто иное, чем заповедь, поскольку поклонение – свободный акт, второе же условие означает, что именно заповедь должна быть основанием поклонения.

Статья Брауна и Нагасавы часто подвергалась критике. Одним из наиболее свежих возражений является текст Фредерика Чу [5]. В целом автор аргументирует утверждение, согласно которому поклонение абсолютно совершенному агенту внутренне присуще человеку в силу совершенств агента. Если же ситуация такова, как представляют ее Браун и Нагасавы, то есть если искреннее поклонение не может быть мотивировано заповедью, однако агент заповедует поклонение себе, то возможны два варианта: либо (а) агент не понимает, что люди не могут выполнить такую заповедь; либо (б) агент признает, что люди не могут выполнить такую заповедь, но все равно повелевает поклоняться. Если верно (а), то агент не является абсолютно мудрым и, следовательно, не заслуживает поклонения. Если верно (б), то получается, что агент дает заповеди без причины и, следовательно, недостоин поклонения [Ibidem, p. 2]. Эти возражения, однако, не кажутся

достаточными. Если бы поклонение действительно было присуще человеку (а на этом строится все рассуждение Чу), то не было бы политеистических религий, атеизма, анимизма и т.д. Все люди придерживались бы позиции классического теизма с его абсолютным единым Богом. Однако с очевидностью это не так.

Маймонид и Крескас: спор о заповеди веры

Далее нас будут интересовать первые два принципа, приведенные в статье Брауна и Нагасавы. Рассмотрим, как они работают для какой-нибудь из заповедей. Возьмем в качестве примера повеление верить в Бога. Вопрос о том, является ли такая вера заповедью, – один из наиболее дискуссионных в философии и теологии средневекового иудаизма. Ответы на этот вопрос формулировались следующим образом: вера предшествует заповеди, и заповедь предшествует вере.

Первой точки зрения придерживался один из самых известных иудейских философов – Моисей Маймонид (1135-1204), а также его последователи. Живший более чем на 250 лет позже Саадии Гаона (882-942), введшего в еврейскую культуру элементы культуры греческой, Маймонид (Моше бен Маймон, или Рамбам) пытался гармонично сочетать еврейские и греческие элементы друг с другом в своей философской системе [1, с. 339]. Во мнении о том, как именно соотносились эти элементы и ставил ли Рамбам Тору в зависимость от философии Аристотеля, расходятся как современники Маймонида, так и нынешние исследователи. Наиболее известными и значимыми произведениями Маймонида являются «Мишне Тора» и «Путеводитель растерянных». В фундаментальном труде «Мишне Тора» (1178) Рамбам поставил своей целью «создать доступный широкий кругам учащих, всеобъемлющий и логично построенный кодекс еврейского закона» [3, с. 8]. Перед началом работы над этим колоссальным произведением Маймонид написал нечто вроде краткого наброска к «Мишне Тора» – «Книгу заповедей» (1169-1170). В ней философ выделяет 613 предписывающих и запрещающих заповедей. И первой среди них стоит заповедь верить в Бога: «Повеление верить в Бога, а именно – верить в существование первопричины и силы, которая творит все существующее» [Там же, с. 155].

Второй точки зрения придерживался наиболее известный критик идей Маймонида – Хасдай Крескас (1340-1410/12). Руководитель еврейской общины в Барселоне, общественный и политический деятель, поэт и философ, разносторонний человек с непростой судьбой, чья жизнь пришлось на трудное для испанского еврейства время, рабби Хасдай Крескас (Рахак) стремился создать систему, которая бы представила альтернативу философии Маймонида и его последователей (в частности, рабби Леви бен Гершома или Герсоида). По мнению Крескаса, Маймонид чересчур рационализировал иудаизм и привнес туда слишком много чуждых, греческих элементов. Свой трактат «Свет Господень», написанный с целью опровержения философской системы Маймонида (и Аристотеля, на идеях которого строил свою философию Маймонид), Крескас начинает с возражения Маймониду именно относительно вопроса о вере как заповеди. Крескас пишет во Введении к «Свету Господню»: «Однако корень начал Божественной Торы – вера в существование Бога (да будет Он благословен), он разъясняется сам в себе; Тора упорядочивается и заповедуется тем, кто упорядочивает и заповедует, и это не кто иной, как Бог (да будет Он благословен). По отношению к этому совершает ошибку тот, кто посчитал повелительной заповедью веру в существование Бога (да будет Он благословен)... Таким образом, когда вера в существование Бога (да будет Он благословен) полагается заповедью, [то] уже предполагается вера в существование Бога (да будет Он благословен)... Следовательно, обязательно вера в существование Бога будет всегда хозяйкой, и так без конца. Таким образом, было разъяснено, что не стоит считать веру в существование Бога повелительной заповедью» [7, р. 9-10].

Крескас, с очевидностью, демонстрирует подход, противоположный подходу Маймонида.

Свободный акт веры не может быть заповедью

Вернемся теперь к первым двум принципам, эксплицированным в статье Брауна и Нагасавы. Вера, как и поклонение, всегда является свободным актом. Если акт этот не свободен, то он полностью теряет свою ценность и обесмысливается. Свободным же действие считается в том случае, если оно имеет своим основанием любой мотив, кроме божественной заповеди. Тогда получаем:

- (1) Человек верит в Бога (принцип обязательства).
- (2) Основанием для веры в Бога является Его заповедь (принцип согласия).
- (3) Свободным является действие, имеющее своим основанием любой мотив, кроме заповеди (по определению).

Очевидно, что положения (2) и (3) противоречат друг другу. Следовательно, вера, если она является свободным действием, не должна являться заповедью.

В результате рассуждений мы приходим к выводу, который в большей степени согласуется с идеями Крескаса, нежели Маймонида. Однако формулировка ответа, полученного в результате, оказывается гораздо более жесткой: вера вообще не может быть заповедана в рамках теологического волюнтаризма.

Заключение

В заключение подведем некоторые итоги нашего исследования.

Во-первых, анализ выявленной К. Брауном и Ю. Нагасавой проблемы несовместимости свободного поклонения и заповедания этого поклонения внутри теории божественной заповеди показывает, что свободные

акты, составляющие проблему для теологического волюнтаризма, не исчерпываются поклонением. Не исчерпываются они и верой. К таким «проблемным» актам можно отнести любые действия указанного типа, в частности, те, на которые «разлагаются» сложные феномены поклонения и веры. Например, любовь, надежда (которые несомненно можно считать входящими в понятие «поклонение»), знание о существовании Бога (относящееся к феномену веры). Последнее следует особо отметить, поскольку в «Мишне Тора» Маймонид пишет не о заповедании веры в существование Бога, а о заповедании знания о существовании Бога: «[Фундаментальные законы Торы] Включают в себя десять заповедей – шесть повелевающих заповедей и четыре заповеди запрещающие. И вот их перечисление. Знать, что существует Бог» [1, с. 345]. «Не допускать мысли, что существует божество, кроме Всевышнего. Признавать Его единство. Любить Его» [Там же, с. 347].

Во-вторых, привлечение историко-философского материала, каковым является несогласие между Маймонидом и Крескасом о заповеди веры, является ярким выражением проблемы, эксплицированной К. Брауном и Ю. Нагасавой.

В-третьих, позиция Крескаса представляется более последовательной, нежели позиция Маймонида, и лучше согласуется с теорией божественной заповеди, хотя и не решает до конца проблему несовместимости свободного поступка с заповеданным.

Подытоживая, можно сделать общий **вывод** о том, что проблемы, как поднимаемые, так и намеченные в рамках данной статьи, бесспорно, требуют дальнейшей разработки и обсуждения в рамках философии религии.

Среди основных **перспектив исследования** можно обозначить несколько направлений. *Во-первых*, необходимо вводить в поле аналитической философии как можно больше текстов еврейских философов, в том числе (или, скорее, главным образом по причинам, указанным во Введении) средневековых. Здесь возникает острый вопрос о том, каких именно философов считать еврейскими и существует ли еврейская философия вообще. В силу разнообразных исторических обстоятельств невозможно однозначно атрибутировать принадлежность к еврейской философии по языку, на котором писались философские произведения (иврит), или принадлежности к иудейской общине. Первый критерий спорен потому, что очень часто еврейские философы писали свои произведения не на иврите. Так, Бахья бен Йосеф Ибн Пакуда (к. XI – нач. XII в.) писал на иудео-арабском, Иегуда Галеви – на арабском. «Комментарий к Мишне» Маймонида также написан на арабском, а «Путеводитель растерянных» – на иудео-арабском. Полемические работы Хасдая Крескаса были написаны на каталонском. Проблемность и дискуссионность второго критерия – принадлежности к еврейской общине – очень четко сформулировал, в частности, проф. Яков Левингер: «Как мы должны подходить, например, к Авнеру из Бургоса, жившему в четырнадцатом веке, образованному еврею и философу, который принял христианство в середине жизни? Его влияние на сочинения многих его еврейских современников очевидно... Значит, мы должны рассматривать Авнера из Бургоса как еврейского интеллектуала? А проблема Баруха (Бенедикта) Спинозы? Спиноза родился и был воспитан евреем. Однако впоследствии он вел такой образ жизни и высказывал такие мысли, что был исключен из общины. Другими словами, фактически во всех отношениях он вышел, или был исключен, из еврейства, как оно тогда понималось, хотя, в отличие от Авнера из Бургоса, он так и не принял христианство» [Цит. по: Там же, с. 565-566]. Несомненно, подобные обстоятельства усложняют задачу.

Вторым направлением, в котором может идти дальнейшее исследование представленной тематики, является создание весомых аргументов в пользу или против теологического волюнтаризма, а также создание теорий, внутри которых обозначенная в статье и эксплицированная К. Брауном и Ю. Нагасавой проблема теологического волюнтаризма оказывалась бы нерелевантной или решалась бы. Так, сильными аргументами могли бы служить опровержения необходимости одного из двух принципов теологического волюнтаризма – принципа согласия. Действительно, если первый принцип конституирует статус моральности-аморальности поступка и является необходимым для теории божественной заповеди, поскольку определяет ее суть, то второй представляется лишь достаточным. Можно сказать, что моральное обязательство согласиться с заповедью не является обязательством для любого действия X, заповеданного Богом. Можно попытаться выделить группу поступков, с одной стороны, заповеданных Богом, а с другой – не несущих в себе необходимости согласиться с божественным повелением выполнять их (или воздержаться от их выполнения), и отнести к этой группе поклонение и веру. С очевидностью, можно пойти дальше и не выделять лишь некую группу поступков, а обобщить для любого человеческого действия. Таким образом, принцип согласия кажется избыточным для теорий, отрицающих свободу воли. Если же придерживаться либертарианской позиции, то затруднение, продемонстрированное в статье, остается. Примечательно, что рабби Хасдай Крескас, чье отношение к вере было рассмотрено нами выше, предлагал в своем трактате «Свет Господень» позицию, пытавшуюся совместить свободу воли человека с божественным всеведением. И хотя многие исследователи считают эту попытку неудачной, а теорию Крескаса жестко детерминистской, полемика Рахака о вере как заповеди кажется одним из признаков того, что его позиция более многомерна, чем может показаться.

Список источников

1. Антология еврейской средневековой философии / сост. У. Гершович. М. - Иерусалим: Мосты культуры, 2018. 632 с.
2. Карпов К. В. Теодицея как этическая проблема // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 2. С. 35-48.
3. Маймонид. Книга заповедей. М.: Книжники; Лехаим, 2013. 630 с.

4. Brown C., Nagasawa Yu. I can't make you worship me // Ratio: An International Journal of Analytic Philosophy (New Series). 2005. Vol. 18. Iss. 2. P. 138-144.
5. Choo F. Can a worship-worthy agent command others to worship it? [Электронный ресурс]. URL: <https://philpapers.org/rec/CHOCAW> (дата обращения: 09.12.2020).
6. Citron G. Dreams, Nightmares, and a Defense against Arguments from Evil // Faith and Philosophy. 2015. Vol. 32. № 3. P. 247-270.
7. Crescas H. Or Hashem [Light of the Lord] / ed. by Sh. Fisher; in Hebrew. Jerusalem: Sifrei Ramot, 1990. 420 p.
8. Jewish Philosophy in an Analytic Age / ed. by S. Lebens, D. Rabinowitz, A. Segal. Oxford: Oxford University Press, 2019. 342 p.
9. Murphy M. Theological Voluntarism [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/voluntarism-theological/> (дата обращения: 24.11.2020).

Информация об авторах | Author information



Слепцова Валерия Валерьевна¹, к. филос. н.

¹ Институт философии Российской академии наук, г. Москва



Sleptsova Valeriya Valerievna¹, PhD

¹ The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow

¹ leka.nasonova@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.11.2020; опубликовано (published): 30.12.2020.

Ключевые слова (keywords): вера; Крескас; Маймонид; теологический волюнтаризм; философия иудаизма; faith; Crescas; Maimonides; theological voluntarism; Judaic philosophy.